

Александр Костерев

А. Пушкин. История создания романа о Петре Великом

Поэт-историограф

Истории развития человечества известно всего два вида личности: своя и чужая. Гениальные творцы прошлого во все времена предавались искушению разгадать тайну превращения личности чужой в личность ближнего. В исконных понятиях русской равноправной общины, где в качестве единицы, целого воспринимается не отдельный человек, но народ, мир, — человек представлял только часть этого целого, а значение человеческой личности было им осознано в пользу ближнего. На Западе, напротив, народ, составленный из индивидуальных, конкурирующих друг с другом, не мог представляться как целое, являясь совокупностью личностных единиц, а значение человеческой личности было им осознано в свою пользу.

Это вводное рассуждение представляется необходимым для лучшего понимания романического стремления великих русских писателей Пушкина, а позднее Толстого, изучить личность и глубже постигнуть душу великого преобразователя Петра I и доверить бумаге историю его великого царствования в личностном восприятии.

«Пушкин был, есть и будет единственным писателем, который мог своим божественным вдохновением проникнуть в гигантскую душу Петра, — уверенно оценивал Александр Куприн в 1929 году в статье «Пётр и Пушкин» творческие притязания поэта, — и понять, почувствовать её сверхъестественные размеры» [3, с. 217].

А между тем история создания пушкинской версии Петра начиналась буднично, со случайной встречи с Николаем I.

Поэт Дмитрий Садовников приводит воспоминания историка Василия Комовского — современника Пушкина — о том, что именно государь поручил Пушкину написать историю Петра Великого во время прогулки в царскосельском парке. На предложенный императором вопрос, почему он не служит, «Пушкин ответил: „Я готов, но кроме литературной службы не знаю никакой“. Тогда государь приказал ему сослужить службу по призванию — написать историю Петра Великого» [1, с.108].

Факт такого поручения подтверждает Пушкин в письме к Плетнёву от 22 июля 1831 года: «Кстаги, скажу тебе новость: царь взял меня на службу, но не в канцелярскую, или придворную,

или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: „Puisque il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite“ („Поскольку он женат и небогат, нужно позаботиться, чтоб у него была каша в горшке“ — *франц.*). Ей-богу, он очень со мною мил» [2, с. 108].

В письме Бенкендорфу, датированном концом июля 1831 года, поэт напишет: «Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее моё желание написать историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III» [6, с. 80].

Справедливости ради нужно отметить, что Н. М. Карамзин, ранее назначенный историографом по высочайшему повелению Александра I, писал: «Между тем с сожалением удаляюсь от публики, которая обязывала меня своим лестным вниманием и благорасположением. Одна мысль утешает меня: та, что я долговременною работою могу (если имею какой-нибудь талант) оправдать доброе мнение сограждан о моём усердии к славе отечества и благодетяния великодушного монарха» [4, с.397].

Сохранившиеся архивные документы того времени в отношении назначения Пушкина, исповедуя сухой, деловитый, беспристрастный стиль, представляют читателю исчерпывающую картину этого назначения. Так, в Деле 1831–1837 годов за №27 «О допущении к занятиям в архивы Александра Пушкина для извлечения материалов по истории Петра Великого и к прочтению дела о пугачёвском бунте, также о принятии того дела из бывшего Государственного архива старых дел» находим запись о высочайшем повелении определить в Государственную коллегию иностранных дел «известного нашего поэта, титулярного советника Пушкина, с дозволением отыскивать в архивах материалов для сочинения истории императора Петра I» и с назначением г. Пушкину жалованья, на основании сообщения графа Бенкендорфа от 23 июля 1831 года за №3716 [5, с. 17].

Что до сохранности государственных секретов, то Его Императорское Величество, изъявив высочайшее соизволение о допуске Пушкина к архивам, повелел, чтобы хранящиеся в архиве секретные бумаги времён императора Петра I (о первой супруге его, о царевиче Алексее Петровиче; дела бывшей Тайной канцелярии) открыты были Пушкину не иначе как по назначению его превосходительства тайного советника Блудова и чтобы он прочтением оных и составлением из них выписок занимался в Коллегии иностранных дел и ни под каким видом не брал бы вообще всех вверяемых ему бумаг к себе на дом [там же, с. 18]. Высочайшим указом от 6 декабря 1831 года император пожаловал коллежского секретаря Александра Пушкина чином титулярного советника с назначением жалованья пять тысяч рублей в год, ввиду отсутствия в министерстве вакантного штатного места [там же, с. 25].

Более того, Отношением по Департаменту хозяйственных и счётных дел Министерства иностранных дел от 9 января 1833 года за №116 к канцелярии Министерства иностранных дел последний уведомлялся о том, что с Пушкина взысканы следующие с него по случаю производства в чин деньги, а именно семьдесят два рубля двадцать шесть копеек [там же, с. 26].

Пётр Плетнёв в своих сочинениях вспоминает: «С 1831 года Пушкин избрал для себя великий труд, который требовал долговременного изучения предмета, множества предварительных занятий и гениального исполнения. Он приступил к сочинению истории Петра Великого...» [1, с. 150].

В поисках истинного образа Петра Великого...

В феврале 1832 года Пушкин в письме Бенкендорфу благодарит за подарок императора — свод законов Российской империи с памятной надписью: «С чувством глубочайшего благоговения принял я книгу, всемилостивейше пожалованную мне Его Императорским Величеством. Драгоценный знак царского ко мне благоволения возбудит во мне силы для совершения предприняемого мною труда, и который будет ознаменован если не талантом, то, по крайней мере, усердием и добросовестностью. Ободрённый благосклонностью Вашего Высочайшего превосходительства, осмеливаюсь вновь беспокоить Вас покорнейшею просьбою о дозволении мне рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его истории Петра Великого» [6, с. 95].

Понимая масштаб задачи, Пушкин стремился привлечь к архивным изысканиям квалифицированных помощников, в частности историка Михаила Погодина, которому 5 марта 1833 года

сообщил (по секрету, как указано в оригинальном тексте): «Накопец на масленце царь заговорил как-то со мною о Петре I, и я тут же и представил ему, что трудиться мне одному над архивами невозможно и что помощь просвещённого, умного и деятельного учёного мне необходима. Государь спросил, кого же мне надобно, и при вашем имени было нахмурился — он смешивает вас с Полевым; извините великодушно; он литератор не весьма твёрдой, хоть молодец, славный царь. Я кое-как успел вас отрекомендовать, а Блудов всё поправил и объяснил, что между вами и Полевым общего только первый слог ваших фамилий — сему присовокупился и благосклонный отзыв Бенкендорфа. Таким образом, дело слажено; и архивы вам открыты, кроме тайного» [6, с. 102].

Весной 1834 года Пушкин, после тщательной подготовки и изучения документов, приступил к сочинению истории Петра Великого: «К Петру приступаю со страхом и трепетом, как вы (*Погодину*) к исторической кафедре. Вообще пишу много про себя, а печатаю по неволе и единственно для денег: охота являться перед публикою, которая нас не понимает, чтоб четыре дурака ругали вас потом шесть месяцев в своих журналах только что не по матерну» [6, с. 118].

По воспоминаниям князя Долгорукова, во время сочинения истории Петра I Пушкин просил представить его графине Ягужинской, старухе-невестке одного из ближайших друзей Петра; та отказалась принять Пушкина со словами, что «у неё нет в обычае делить общество с рифмачами и писаришками». Ей возражали, что Пушкин принадлежит к одной из древнейших фамилий русского дворянства; на что Ягужинская ответила, что охотно приняла бы его, если бы он не был прикосновенен к писательству, и прибавила: «он напечатает, что я могла бы ему рассказать или сообщить, и бог знает, что из этого может выйти. Моя бедная свекровь умерла в Сибири, с вырезанным языком, высеченная кнутом; а я хочу спокойно умереть в своей постели» [1, с. 230].

В силу живости своей неудержимой природы, по предварительно собранному архивному материалу Пушкин приступил к написанию текста — последовательному, в стиле Карамзина, повествованию о жизни и эпохе Петра I — задолго до осмысления и критической разработки всех имеющихся в наличии исторических свидетельств. Но очень скоро Пушкин осознал свою ошибку, о чём свидетельствуют многочисленные следы его сомнений относительно достоверности источника или правильности трактовки событий в виде вопросительных знаков почти на каждой строке повествования. Как ни расстраивали такие сомнения целостность начатого труда, Пушкин продолжал его, откладывая серьёзный анализ

новых первоисточников до последующего времени, поведавая таким образом повествование до 1689 года — года объявления Петра самодержцем. 11 июня 1834 года Пушкин напишет жене: «Пётр 1-й идёт; того и гляди напечатаю первый том к зиме», — однако этим оптимистичным прогнозам сбыться не удалось [7, с. 244].

Весь 1835 год Пушкин был занят исключительно Петром, о чём сохранились его дневниковые записи [2, с. 230].

И всё-таки историограф Пушкин одержал верх над Пушкиным — поэтом и литератором, потребовав радикального изменения принятого подхода к работе и фактически возвращая к началу — хронологическому подбору фактов, выписку из указов, документальных свидетельств. По замечанию Анненкова, эта система прослеживалась и поддерживалась Пушкиным в последующих пяти с половиной тетрадях до самого года смерти императора...

Однако грандиозные планы Пушкина при жизни не сбылись. Отрывки романа «История Петра I» были впервые опубликованы в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» Анненкова, в том числе из глав об основании Петербурга, о кончине Петра и в дополнительном томе (в 1857 году) набросок первой главы. Отдельные заметки к «Истории» появились впервые в «Вестнике Европы» 1880 года.

Участь великих героев

По многочисленным источникам, воспоминаниям друзей, письмам первой половины девятнадцатого века становится ясно, что первоначальные наброски романа, с учётом глубокого погружения в исторические материалы, не могли удовлетворить Пушкина.

«Недели за три до смерти историографа Пушкина, — вспомянул надворный советник Келлер, — был я по приглашению у него. Он много говорил со мной об истории Петра Великого. „Об этом государе, — сказал он между прочим, — можно написать более, чем об истории России вообще. Одно из затруднений составить историю его состоит в том, что многие писатели, не доброжелательствуя ему, представляют разные события в искажённом виде, другие с пристрастием осыпали похвалами все его действия“. Александр Сергеевич на вопрос мой: скоро ли будем иметь удовольствие прочесть произведение его о Петре, отвечал: „Я до сих пор ничего ещё не написал, занимался единственно собираньем материалов: хочу составить себе идею обо всём труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам“. В то же время возложенное на Пушкина поручение писать историю Петра весьма его обременяло. „Эта работа убийственная, — сказал он мне, — если бы я наперёд знал, я бы не взялся за неё“» [1, с. 352].

«Последнее время мы часто видались с Пушкиным и очень сблизились; — писал близкий друг поэта Александр Тургенев, — он как-то более полюбил меня, а я находил в нём сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные... Никто так хорошо не судил русскую новейшую историю: он *созревал* для неё и знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения» [там же, с. 362].

Знаменитый и образованнейший цензор Никитенко 21 января 1837 года оставил такую запись: «Вечер провёл у Плетнёва. Там был Пушкин. Как обидно, что он так мало ценит себя как человека и поэта и стучится в один замкнутый кружок общества, тогда как мог бы безраздельно царить над всем обществом. А ведь он умный человек, помимо своего таланта. Он сознавался также, что историю Петра пока нельзя писать, то есть не позволят печатать. Видно, что он много читал о Петре» [там же, с. 363].

Пушкин не был ослеплён, опьянён или разочарован прекрасным, величественным, ужасным, непостижимым обликом Петра. Словами трезвого аналитика он давал оценку деяниям могучего преобразователя России: «Достоин удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые — нередко жестокие — своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или, по крайней мере, для будущего; вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика. Это внести в историю Петра, обдумав. — А. П.» [7, с. 264]. Вот как правдив и честен, но вместе с тем осторожен Пушкин, как пронизательны его глаза. Вероятно, поэтому с особым вниманием читаешь такие его строки: «Пётр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо он доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон. Гений его вырывался за пределы его века» [3, с. 218].

Двойственное сознание личности Петра (в пользу ближнего и в свою пользу, даже имеющей в виду столь великие планы) привело к душевному разладу, послужившему препятствием к эффективному развитию России по западному образцу. Удивительно точно оценил двойственность личности Петра М. Юзефович: «Мы не станем дерзко налагать ответственности на великого человека за реформу, исторически необходимую, но совершённую им по неверным понятиям об отношении нашем к Западу. Мы не дерзнём даже

осуждать в нём крутости мер, исходивших не из корыстных побуждений, а из глубокого убеждения во благо им совершаемого и в необходимости совершить в одну жизнь несокрушимую громаду. Но мы не будем и слепы к заблуждениям и ошибкам великого деятеля: осознав историческую необходимость реформы Петровой и признав неизбежность тех понятий, которые ею руководили, мы должны стараться, в интересах самого преобразователя, очищать его подвиги от тех плевел, которые, конечно, не входили в виды и расчёты его. Пётр Великий, приняв нас за одно с остальной Европой, вместо того, чтобы посеять у нас семена просвещения, для возделывания их сообразно естественным свойствам нашей почвы, задумал пересадить к нам готовую образованность западноевропейских народов» [8, с. 29]. Насильно «превращаясь в европейцев, мы, сами не подозревая того, переставали быть русскими» [там же, с. 31].

Чем яснее восставала перед Пушкиным целостная картина деятельности Петра, тем сильнее укреплялось его представление о гениальном императоре как об олицетворении страшной бури, «одинаково сметающей перед собой, без выбора и сожаления, всё, что ни встречается на пути, до тех пор, пока не истощится сама собой её природная феноменальная сила». Убеждённому типу людей александровской эпохи, к которым, несомненно, можно отнести Пушкина, казалась непосильной ношей даже и сама благодарность за великие подвиги во славу Отечества, при условии, что они совершены с помощью крутых и нравственно-оскорбительных мер. Ещё менее расположен был Пушкин, по личному характеру своему, оправдывать реформы, которые шли наперекор некоторым существенным традиционным народным особенностям, и возмущался ими, когда они не оставляли в покое частного, безвредного убеждения или грубо вторгались в наивные, патриархальные, чистосердечные верования. «Сквозь призму своего установившегося воззрения на Петра I Пушкин видел или думал, что видит двойное лицо — гениального создателя государства и старый восточный тип „бича Божия“. Рука Пушкина, вероятнее всего, дрогнула... Пушкин так и умер, не отыскав способа примерить два совершенно противоположных требования (изобразить Петра, соответствующего своим представлениям о нём, не оскорбляя тех, кто ожидал безусловной апофеозы преобразователя)» [7, с. 244].

Примечателен тот факт, что все романы о Петре I, начатые великими мастерами слова, так и не были окончены: сомнения остановили Льва Толстого в самом начале сочинения, Алексей Толстой в 1943 году начал работу над третьей книгой, но успел довести роман только до событий 1704 года.

Позволю предположить, что общей причиной таких результатов является необычайно глубокое понимание гениальными литераторами масштаба личности Петра, последовательное проникновение, по мере изучения архивных материалов, в безграничное величие и безмерную жестокость его славных дел.

Как точно заметил Куприн, говоря о Петре и Пушкине: «И в одном ещё сходятся судьбы обоих великих людей, увы, уже после смерти. Память обоих загрязнена непроверенной клеветой. Участь героев» [3, с. 220].

Библиография

1. *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни. — М.: Советский писатель, 1937. — 500 с.
2. *Дневник Пушкина. 1833–1835 гг.* Государственное издательство. — Москва-Петроград, 1923. Труды Государственного Румянцевского музея. — 607 с.
3. *Куприн А. И.* Собрание сочинений. Том 9. Воспоминания, статьи, рецензии, заметки. — М.: Художественная литература, 1973. — 336 с.
4. *Погодин М. Н. М.* Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Часть I. — М., 1866. — 399 с.
5. *Пушкин. Документы Государственного и Санкт-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831–1837 годов.* — СПб, 1900. — 96 с.
6. *Пушкин.* Под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. VI. Библиотека великих писателей. Брокгауз—Ефрон. — Петроград, 1915. — 662 с.
7. *Сочинения А. С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики.* Том 5. Прозаические произведения. Письма. — М.: Издание Льва Поливанова, 1887. — 632 с.
8. *Юзефович М.* О значении личности у нас и на Западе (С присоединением письма авт. кн. П. А. Вяземскому от 9 июля 1857 г.). Старина и новизна. Исторический сборник. Книга однадцатая. — СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1906. — 299 с.